

Фрагмент из романа

Anna Kuschnarowa
Jungirl.

Beltz & Gelberg Verlag, Frankfurt am Main 2011
ISBN 978-3-407-74259-9
с. 5-22

Анна Кушнарова
Героин(я).

Перевод Анастасии Корольченко

»Скажите мне сначала, кто я! Если мне это понравится, я поднимусь, а если нет — останусь здесь, пока не превращусь в кого-нибудь другого!«

Льюис Кэрролл, «Алиса в стране чудес», перевод Н.М. Демуровой

Я? Кто я? Я Алиса. Снова. Я снова чуть-чуть Алиса, но лишь отчасти, а остальная часть – Элис. Элис, она все еще в моей крови, хотя я уже давно завязала. Элис, она удобно устроилась в моем сознании. Элис, это голос, звучащий у меня в голове. Элис несет тарабарщину, ее следует остерегаться, а еще Элис давит на Алису. Нет, она давит на нее совсем неласково, она выжимает ее из вен настойчивыми требованиями, предвещая свою победу.

Элис ненавидит Алису, а Алиса любит Элис, и любит она ее потому, что только Элис увлекает ее в мир без Алисы. И без Элис. Мир, где нет ничего, абсолютно ничего. Мир, где желания растворяются. Удаление. Полное. Мир без желаний – это мир покоя. Возможно, это и не жизнь вовсе, но зачем жить, если вдруг исчезает все, кроме покоя? Глубокий покой, вечный покой. На краю света время замирает и приходит освобождение, бесконечное и возвышающее.

И в этом вся проблема. Истинное освобождение приходит лишь тогда, когда время замирает. Но время не замирает только потому, что Элис давит на Алису. Элис и Алиса замирают всего на несколько часов, а потом все становится еще хреннее, чем раньше.

Поэтому я затыкаю уши, хотя и знаю, что это бесполезно, ведь у Элис нет слов, голоса, тела. А если бы ей понадобились голос и тело, она просто взяла бы их у меня.

Заткнись, замолчи, попридержи язык, шлюха! кричу я своим голосом из своего тела, обращаясь к своим же телу и мозгу. А Элис смеется. Она смеется надо мной. «Чтоб ты померла со смеху!» ору я сама себе. А ведь когда-то я была милой девочкой.

Эта борьба идет без остановок, ей нет конца. Это борьба Алисы Йоханссон, хрупкой семнадцатилетней наркоманки, похожей на Аврил Лавин, бывшей наркоманки, героини, юной девы, оставшейся ребенком. Старухи, отжившей свое, использованной, милой девочки и старой развалины.

То, что этот день не задастся, я поняла уже проснувшись. Мне снилось, что я снова в Котбусе вместе с Тарой. В этот момент я проснулась и заплакала, меня будто пронзало молнией. Сильное напряжение. Две тысячи вольт. Тара больше никогда не придет. Больше никогда. Я потеряла над собой контроль.

Утрата контроля - это хреново. Утрата контроля - мой вечный спутник. За это я себя ненавижу, я ненавижу себя так сильно, потому что я не могу себя контролировать, не могу избавиться от Элис, а моя семья думает, что я снова Алиса. Я лезу под кровать и дрожащими руками достаю лезвие. За это я тоже себя ненавижу, но кровь, рисующая красную линию на моей руке, успокаивает. Все под контролем. Я все еще жива.

Отгоняя дурацкие мысли, я вскакиваю с кровати. Села, подвинула стул, встала, побегала, села, встала, открыла окна. Весенний воздух. Цветут крокусы. Солнце. Небо. Вообще-то красиво.

И все же. Мне нужно отвлечься. Котбусские ворота. До Котбусских ворот теперь так просто не доберешься. Меня сослали за город, в интернат для детей богатых родителей. И для семнадцатилетней девочки расстоянье теперь неслабое до этих ворот. Но если я захочу, уж как-нибудь доберусь. Хорошо, что я не хочу. Только мои сны все еще хотят этого. И Элис. Но сейчас день. Аттестат, вбиваю я себе в башку. Ты сдашь экзамены, глупая курица. И будешь исследовать вселенную. Ты хочешь поехать в Индию и зажечь ароматическую палочку в храме Кали. Ты хочешь сделать это в память о Таре. Сначала Индия, а потом весь мир. Я забираюсь на подоконник и ставлю на колени нетбук. Солнце греет лицо. Я проверяю электронную почту. Меня не заваливают письмами. Как иначе? Большинству моих

друзей наплевать, вспоминают ли о них. Большинство моих друзей не существует. Ведь почти все они такие же, как Элис.

Я брожу по Интернету и удивляюсь, чем занимаются люди. Потом я зависаю на одном из этих идиотских форумов избалованных анорексично-булимичных девочек «Ты тоже звезда» и читаю блог Цветка страсти:

»Привет, мои сладкие. Кто знает, что нужно, чтобы придать внешности хиппи-героинового шика? Чмоки, Цветок страсти«

Придать внешности хиппи-героинового шика? Недолго думая, я отвечаю ей:

»Лучше всего вмажься героином. Понюхай, ширнись или покури. Ты будешь увеличивать дозу до тех пор, пока действительно не сломаешься, и вот тогда у тебя будет все необходимое: синяки под глазами, сизые губы, желтая кожа и, конечно же, струпья от постоянного зуда. Детка, очень легко придать внешности этот чертов шик. Можешь засунуть подальше свою дерьмовую косметику в стиле Барби. Эта внешность останется у тебя на всю жизнь. Хиппи-героиновый шик! Иди на хер! Героин(я).

Я нажимаю «отправить» и уже не могу отменить команду, я знаю, что веду себя как последнее дерьмо, но раньше я правда была милой девочкой.

Раньше так и было. Как будто десять тысяч лет назад. Алиса, младшая дочь Торальфа и Ясмин Йоханссон, ребенок-архитектора-и-домохозяйки, ещё не оперившийся птенец, которого всячески охраняли, опекали и оберегали все шесть членов семьи, состоятельной, примерной, глубоко религиозной. Алиса, ребенок-наказание, ребенок-катастрофа.

Но мое детство было замечательным. Правда. У нас было все. Новая машина раз в два года, грандиозный летний отпуск всей семьей, катание на лыжах зимой. И община. В детстве мне это нравилось. Куча детей. Никакого одиночества. Бесконечные летние праздники. Полароидные воспоминания с красным оттенком. В надежных руках, под защитой и опекой Христа. В детстве не задаешься вопросами. В детстве знаешь все наверняка.

Проблемы начались в переходном возрасте. Конечно, я не знала, что взрослые его так называют, когда он наступил, мне было десять, я была ребенком, и, как все десятилетние, понятия о нем не имела. Натягивая в туалете трусы, я увидела пятно. Влажное, темное, красное. Я застыла, уставившись на пятно. Кровь из живота ничего хорошего не предвещала. С бабушкой была похожая история. Для операции было уже слишком поздно и несколько недель спустя мы стояли на кладбище, рыдали в голос и пускали сопли.

Мои ноги вдруг подкосились. Я схватилась за бачок. Всего десять лет и уже рак, через несколько недель я умру. Я задавалась вопросом, почему Бог желает смерти десятилетней девочке. Это было нечестно, это было совсем нечестно. Затем мне в голову пришла идея: я съела жевательных мармеладных зверушек Пии. Пиа, моя восемнадцатилетняя сестра, единственная из всех четырех сестер живущая с родителями. Окруженная вниманием, всеми любимая, кроткая, умная суперсестра. Пиа, которую родители регулярно ставили Алисе в пример как образчик добродетели.

»Алиса, бери пример со своей старшей сестры«, говорили родители, когда я, наигравшись с мальчиками, возвращалась домой, вся растрепанная, с разбитыми коленками и порванными штанами. Хотя я и была маленькой светловолосой девочкой, а моих физических сил хватало ненадолго, мальчики меня принимали в свою компанию. Все-таки я была сильной и выносливой, и этого, в принципе, было достаточно. Между тем, я думала, что различие между мужчинами и женщинами скорее внешнее, в остальном это воспитание, а на него можно забить.

» Пиа никогда не разбивала коленки. Пиа настоящая дама«

Еще бы, думала я. Как бы ей это удалось? Если торчишь целый день дома в своей комнатке, читаешь и кроме школы выбираешься разве что в общину, как же можно пораниться?

Подумаешь, дама! Ни за что не хотела быть дамой. Пиратки мне нравились, в отличие от дам. Дамы рассиживали в платьях, они едва могли пошевелиться в них, дамы посещали уроки хорошего тона, чтобы не стучать столовыми приборами по тарелкам и не привлекать внимание гостей, дамы воплощали полнейшую беспомощность и покоряли ею своих рыцарей, черт возьми, мама была дамой или кем-то вроде того. И Пиа была на верном пути.

Пиа, копия мамы. В такие моменты я ее ненавидела. Почему моя сестра Пиа была такой недосягаемой и не могла быть нормальной? При этом она не создавала вокруг себя суеты. Наоборот! Когда она понимала, что родители упрекают меня в том, что я не такая, как она или другие суперсестры, у которых уже были свои семьи, она сразу начинала меня защищать: «Ах, оставьте ее в покое!»

Любая другая старшая сестра задирала бы нос, но не Пиа. Пиа была выше этого, она была выше всего. И за это я ее любила и одновременно немного ненавидела, потому что моя старшая сестра была такой классной, невозможно было ненавидеть ее, не испытывая угрызений совести и не чувствуя себя маленькой, неполноценной и злой.

Но вернемся к жевательным мармеладным зверушкам: три дня назад Пиа отмечала день рождения, ее завалили подарками. А я, я стояла рядом несолоно хлебавши и жадно смотрела на них. В принципе, это нормально, в конце концов, это был ее день рожденья, а не мой, и все же я немного ревновала, и я знала, что это неправильно. С другой стороны, в день рожденья Юлиуса все его братья и сестры получали приятную мелочь. Но мои родители придерживались мнения, что ребенок должен как можно раньше усвоить, что иногда нет ничего, и кроме того, они считали, что мне не стоит общаться с Юлиусом и с большой неохотой время от времени отпускали к нему в гости. Наконец я утешала себя тем, что в июне мне будет одиннадцать, осталось не так много времени, вот тогда Пии ничего не достанется.

Но мысли о столе с подарками в честь дня рождения Пии не отпускали меня и на следующий день, когда она еще была в школе, а я уже оттуда вернулась, я прокралась в ее комнату и долго гипнотизировала взглядом стол, на котором, как на алтаре, лежали подарки. Мое сердце громко билось. В комнате Пии мне нечего было делать. Я прислушалась к звукам в доме. Мама возилась на первом этаже с пылесосом, больше никого не было, а я была наверху под самой крышей. Хорошо. Поначалу я была настроена решительно. Я осторожно провела рукой по вещам Пии. Розовый MP3-плеер, крестик из розового кварца, стопка книг, букет цветов, плюшевый ягненок, пакет со сладостями. Настоящие сладости бывали у нас только по особым случаям. На Рождество, Пасху и чей-нибудь день рожденья. И все.
»Вредно для зубов и фигуры«, говорили мои родители.

Только иногда, когда мама была в хорошем настроении, она приносила из диетического магазина или одного из сотен магазинов натурпродуктов кексы и шоколадки, которые по вкусу напоминали хлеб с отрубями и крем для обуви.

И вот сейчас тут стоял огромный пакет с шоколадками, кексами и мармеладными жевательными зверушками, из настоящего сахара, очень вредно и очень вкусно. Я любила жевательный мармелад, очевидно, Пиа тоже, потому что из всех сладостей был открыт именно он. Я залезла носом в пакетик и втянула синтетический аромат. Я просунула палец в дырку, она как будто бы собиралась закричать. Так нельзя было делать, но я была как под гипнозом. Я закрыла глаза и просто залезла рукой внутрь. Всего лишь одного жевательного мармеладного зверька. Мне нужен был один единственный. У Пии их было так много. Она даже не заметит.

Когда я засунула руку в пакетик, зверушки сплотились, как будто хотели увернуться и искали защиты друг у друга. Мои пальцы становились все длиннее, как вдруг они настигли одного зверька, выдернули его из мармеладного семейства, а когда я отважилась открыть глаза, на ладони у меня лежал оранжевый тигр. Я прислушалась к звукам пылесоса, мама все еще была на первом этаже. Мое сердце по-прежнему билось быстро и громко, но тигр лежал у меня на ладони, успокаивая своей прохладой. Я быстро засунула его в рот, как вдруг мне захотелось еще. Очень захотелось. Не успела я прожевать и проглотить тигра, как снова забралась рукой в пакетик. А потом еще раз и еще раз и еще раз. Кровожадная Алиса. Я ела один за другим, пока не уничтожила все семейство. Пакет осуждающе скривился, забавно зияя пустотой рта. Сколько прошло времени? Я вновь прислушалась к звукам пылесоса. Мама была в оранжерее. Черт. Как я могла уничтожить весь мармелад? Сгорая от стыда, я скомкала и положила пакетик в карман штанов. Злясь на себя, я на цыпочках пробралась от Пии обратно в свою комнату.

После обеда Пиа вернулась домой, и я ждала, что она заговорит со мной о жевательном мармеладе, но она ни словом не обмолвилась про исчезнувший пакетик. Я наблюдала за ней весь день. Но Пиа вела себя как обычно. Я решила признаться.

Завтра.

Но следующий день я провела с ощущением, что Пиа грустит и украдкой наблюдает за мной.

Сейчас же! Скажи ей, тупая курица! говорила я себе.

Но я молчала. Все отговорки, которые я придумывала прошлым вечером, каким-то непонятным образом бесследно исчезли. Весь день мне было плохо, я в тоске слонялась туда-сюда, и, поймав за ужином на себе взгляд этого опечаленного ангела, я впала в ярость. О, я так разозлилась, что ни с того ни с сего обрушилась на нее: «Какого черта ты уставилась на меня?»

У моей мамы выпала из рук вилка.

Алиса! воскликнула она.

Хорошо. Теперь Пиа все расскажет, так и будет. Меня поругают, и с этим будет покончено.

Но я, как обычно, не учла реакции Пии, она ничего не сказала, за нее вступилась мама:

»Ты сейчас же извинишься перед Пией!«

Я: »Никогда в жизни!« и скрестила руки на груди, а Пиа: »Ах, мам, оставь ее в покое!«

Опять это невыносимое великодушие. Меня тошнило от него.

»Хорошо. Раз ты не хочешь извиняться, ты пойдешь к себе в комнату и подумаешь над своим поведением.« Мама встала и унесла мой недоеденный ужин на кухню. Я почувствовала, как на глаза навернулись горькие слезы, а в горле появился отвратительный комок. Но я встала, ушла, и ничего не изменилось. Я так и не извинилась, а терпеливая Пиа не нарушила тягостного молчания.

Через два дня началась вся эта фигня. Не укради. Седьмая заповедь. Я нарушила ее и теперь должна умереть. Но я не сдамся. И так уже все наперекосяк. Я сняла трусы дрожащими руками, приняла душ, запихнула их в карман штанов и вышла. Поплелась на Кнаакштрассе и как бы случайно кинула предательские трусы в мусорник. Потом я вернулась в Фолькспарк. Для человека, которому осталось жить совсем недолго, я была удивительно спокойна. И тогда Алиса Йоханссон впервые усомнилась в существовании Бога. Что за Бог такой, для которого украденный пакетик жевательного мармелада важнее жизни десятилетнего ребенка?

Шесть дней спустя кровь перестала идти, я была вне себя от счастья и решила, что Бог дал мне еще один шанс все уладить. И в этот день я пошла к Пии и призналась ей. Пиа прижала меня к себе, поцеловала в щеку, сунула

шоколадку, она казалась по-настоящему счастливой, я чувствовала себя совсем сбитой с толку, но в этот момент я очень сильно любила свою старшую сестру и верила, что я самый счастливый ребенок на целом свете.

Элис хихикает. Ей смешно от того, какой наивной и оторванной от мира я была. И над Богом она смеется, ведь у Элис совсем другой Бог.

Я слышу свой смех. Может, это Элис смеется, может, мы обе, и вместе с тем я страшно тоскую по той Алисе, которая была десять тысяч лет назад. Когда я была только Алисой.

А потом кровь пошла снова. И я опять испугалась, хотя уже не так сильно, как в первый раз. На этот раз я не выкинула трусы в урну в городе, а просто положила их в грязное белье и стала ждать.

Долго ждать не пришлось. Уже на следующий день ко мне явилась мама с уморительно серьезным выражением лица, неся трусы как трофей.

»Алиса, солнышко?«

Она встала передо мной и тогда я пожалела, что отказалась от идеи с урной. У нас дома было не принято открыто обсуждать физиологию, а теперь, когда она размахивала трусами, мне хотелось оказаться на темной стороне Луны или еще дальше. Утешать меня было ни к чему, я и сама все знала. Бог, о котором они все время толкуют в общине, отнюдь не / милосерден.

»Завтра мы едем за покупками.«

К чему она это сказала? Зачем что-то покупать? Саван что ли? подумала я.

»Пиa поедет с нами« прибавила мама.

»Пиa???!!« произнесла я. »А зачем мы вообще туда едем?«

»Девочка моя. Тебе нужен бюстгальтер. Теперь, когда у тебя начались месячные.«

Месячные? – Неее, подумала я и еле сдержалась, чтобы не хлопнуть себя по лбу. К чему еще и бюстгальтер? У меня же там ничего нет.

»Ага, хорошо«, пробормотала я. Спрятавшись в ванной, я разделась и начала сантиметр за сантиметром изучать свое тело.

Как можно быть такой дурой? спрашивала я себя. В последнее время у меня появились волосы в неожиданных местах. Рак! Боже, как глупо! С недоверием я рассматривала темный пушок между ног, потом мой взгляд скользнул выше, к груди. Там наметилась легкая выпуклость. Похоже на мордочки ежей. Боже, если они такие уже в десять лет, что же будет дальше? Черт. Уже лучше бы мне родиться мальчиком и не иметь ничего общего с этой женской фигней...